

Театр — моя судьба

себе, так что зал замирает от волнения и, затаив дыхание, следит за живым перевоплощением, которое сотворится на сцене.

«Вижу ее всегда на перепутье, на перепутье всех ее героинь, миссенью, в которую бьет темный ветер, когда идущая от сердца артерия поет чистым и звонким голосом».

Федерико Гарсиа Лорка.

...Вот это лицо. Его знают многие, и в то же время оно обычное. «Лишенное привычной актерской красоты, лицо это обладает мягкой, податливой, без преувеличения — изяшной пластикой, легкой переменчивостью выражения и поистине говорящими глазами» (Г. Данилова). Встретив его среди других, в людском потоке не сразу узнаешь — кто это? И только потом начинаешь вспоминать, каким это лицо было в увиденном тобой вчера, а, может быть, и раньше спектакле.

...Вот этот голос. Низкий, богатый интонациями, с живой и подвижной мелодикой. Все ее героини говорят по-разному. Слово в устах актрисы обязательно несет в себе ту или иную мысль. «По-тархановски ясно произнесенное слово» (Г. Данилова). Этот голос узнается сразу и не только по ролям, сыгранным на сцене театра. Сколько стихов, рассказов, повестей чувашских писателей обрели свою вторую жизнь в голосе Веры Кузьминой через эфир чувашского радио. Сколько героинь советского кино заговорили по-чувашски ее голосом? Она отдала свой чувашский голос таким известным киноактрисам как Нонна Мордюкова, Зинаида Кириенко, Руфина Нифонтова, Жанна Болотова и многим другим.

...Лицо, голос. Но есть еще величественность жеста, «мощное душевное потрясение при максимально выразительной пластике. Каждый жест — новое особенное неповторимое состояние актрисы» (П. Романов). Жест В. Кузьминой — это внешний знак сильного, волевого характера героинь, которые остаются личностями в любых, самых трагических обстоятельствах.

Магическая сила театра. Как, когда она покорила и запала в душу?

«...В последнее время я все чаще вспоминаю нашу деревню. Да и приходится мне там бывать довольно часто. Вот уже пять лет в Янтиково работает филиал нашего театра. Особенно приятным было то, что участники заключительного этапа фестиваля «Театр — селу», гости из Москвы, Казани, Костромы, Пскова, Рязани побывали и в нашем селе. Встреча с земляками всегда волнует по-особенному. Театр открылся для меня здесь, на этой земле. Зима 1940 года... Тогда я решила поступить в чувашскую студию ГИТИСа в Москве. Москва казалась далеким, волшебным городом. Смотрю сейчас в то время и не узнаю себя... Как же я решилась на это... Да, пела, танцевала, играла в самодеятельности. Это же делали и мои сверстницы. Но я решила тогда про себя: «Буду актрисой!», и это решение всегда было со мной. Оно было со мной и в суровые годы Великой Отечественной. Враг рвался к Москве. Мы учились и как умели помогали городу выстоять, ездили на строительство противотанковых сооружений, рыли траншеи, валили лес, укрепляли рвы. Две медали — «За оборону Москвы» и «За доблестный труд в Великой Отечественной войне в 1941—1945 гг.» — самые дорогие для меня награды.

Вот строки из моего дневника, датированные февралем 1942 года: «Два моих брата в армии, один неизвестно где. Переживаем тяжелые дни. Жить трудно. Хочется есть. Ритмика, сценическая речь, мастерство. Комната № 13, 2-й этаж. Зоя, Шура и я. Когда же кончится война?»

Мы чувствовали огненное дыхание войны, ее свинцовую тяжесть. Я часто вспоминала это время, когда работала над ролью Хведуры в пьесе Николая

Исполнилось 80 лет народной артистке СССР, лауреату Государственной премии ЧР им. К. Иванова, кавалеру орденов Дружбы народов и «За заслуги перед Отечеством» IV степени Вере Кузьминичне Кузьминой. Волею судеб, по просьбе режиссера Ивана Митюкова, мне довелось написать в 1983 году сценарий фильма, который был снят и вышел в эфир Чувашского ТВ под названием «Театр — манан араскал».

Предлагаю вниманию читателей римэйк этого сценария, который я, естественно, посвящаю 80-летию моей матери и великой актрисы чувашского театра.

Терентьева «Сибирская дивизия». Конечно, тогда я была совсем девчонкой, а здесь роль матери, которая обращает свои слова к сыну, к Родине, от имени тысяч и тысяч матерей.

«...Только в 1943 году мы снова продолжили свою учебу в ГИТИСе. Как нам повезло, что нашим наставником был Михаил Михайлович Тарханов, замечательный мхатовский актер. Москва, Москва... Как много дал мне этот город. Знаменитые спектакли Художественного театра: «Три сестры», «Вишневый сад», «Мертвые души»... Я была потрясена игрой актеров в этих спектаклях. Качалов, Книппер-Чехова, Тарасова, Еланская, Степанова, Ливанов... Какие блистательные имена и какая школа для нас, юных чувашских девушек и парней, делающих первые шаги на театральном поприще.

Во время московских гастролей нашего театра в 1974 году нам посчастливилось играть на сцене нового здания МХАТа. Просто не верилось. «Это — судьба, — думалось мне тогда, — это моя счастливая судьба...»

Жизнь разнообразна, в ней переплетаются тысячи человеческих судеб. Сценические образы В. Кузьминой по-своему отражают это богатство и полноту жизни. Она черпает свой материал из самой гущи жизни, встречаясь с людьми.

«Театр должен вобрать в себя всю драму современной жизни. Уходящий театр, питаемый одним воображением, — не театр. Необходимо, чтобы театр зажег, как это умел делать наш классический театр, воспринявший биение пульса целой эпохи» (Ф. Г. Лорка).

Мои товарищи, мои сверстники, с которыми вместе училась в ГИТИСе, — Петр Иванов, Виктор Родионов, Николай Степанов, Галина Мадеева.

Я радуюсь тому, что наш чувашский театр пополняется талантливейшей, ищущей молодежью. Искусство непрерывно, а жизнь человеческая так коротка. Актер не может играть в одиночку. Вокруг него должны быть близкие, понимающие люди.

Я счастлива тем, что по жизненному пути шла вместе с Педэром Хузангаем. Его поэзия и он сам — для меня один из источников вдохновения.

«Искусство прежде всего. Богороднейшее искусство. И вы, дорогие друзья, прежде всего артисты. Артисты с ног до головы, ибо по любви и по призванию вы поднялись в вымышленный мучительный мир подмигиваний. Вы артисты по профессии и по устремлениям. В каждом театре, от самых скромных до самых известных, следует написать слово «Искусство» в залах и актерских уборных, не то нам придется написать слово «Коммерция» или другое слово, которое я не решаюсь произнести. И еще напишем слова: «Иерархия», «Дисциплина», «Любовь», «Самоотверженность» (Ф. Г. Лорка).

«...Театр для меня — вся моя жизнь. Не представляю своей жизни без театра, без сцены. Наш учитель Михаил Михайлович Тарханов любил повторять такие слова: «Понемногу в искусстве нельзя, надо отдавать себя целиком. Наш труд основан на большом горении, большом желании, большой искренности. Вы идете в жизнь с огромной задачей. И потому вам надо привыкать к большим, а не мелким разговорам». Я воспринимаю эти слова как завет замечательного мастера. В меру своих сил и возможностей стараюсь следовать ему в своих любимых образах. Через свои роли я стараюсь говорить с моим народом. Наш чувашский народ добр и трудолюбив, скром и в то же время не слаб характером.

«Театр — это школа слез и смеха, свободная трибуна, с которой люди могут обличать устаревшую или ложную мораль и объяснять на живых примерах вечные законы человеческого сердца и человеческого чувства. Народ, не помогающий создавать свой театр, либо умер, либо при смерти. Но если театр не улавливает со слезами или со смехом пульс общества, пульс истории, драму своего народа и подлинные краски родного пейзажа и национального духа, то он не имеет права называться театром» (Ф. Г. Лорка).

Жизнь и искусство непрерывно перетекают одно в другое, сливаются. Но и само искусство вносит в строй жизни гармонию и красоту. У художника есть краски, у музыканта, композитора есть звуки, поэт работает со словом. У актера строительный материал образа — собственное тело, руки, лицо, мимика, голос. Художник оставляет нам свои картины, композитор — музыку, поэт — стихотворения. Актер театра остается в своих спектаклях, в сыгранных ролях, но они не долговечны. И все же искусство актера — это самое непосредственное, самое живое проявление сокровенной сути. Оно создается перед зрителем, «здесь и сейчас». Оно мгновенно захватывает душу зрителя, подчиняет его

Р. С. Актриса дважды прикоснулась к трагической сути испанского искусства («Во всех странах смерть означает конец. Она приходит — и занавес падает. А в Испании нет. В Испании занавес только тогда и поднимается. Множество людей живут в Испании, словно запертые в четырех стенах до самой смерти, лишь тогда их вытаскивают на солнце» — Ф. Г. Лорка. Как это близко чувашскому традиционному мировоззрению!). В 1973—74 годах это была «Кровавая свадьба», знаменитый, шедший с полным аншлагом спектакль.

И вот в октябре сего года через тридцать лет — снова Федерико Гарсиа Лорка, образ Бернарды («Дом Бернарды Альбы»). Жесткая, непреклонная в своих усилиях по сохранению устоев дома, родовых традиций и властно, деспотично определяющая судьбы своих дочерей, в сердцах которых кипят чувства, а девичьи тела содрогаются от горячего тока крови и прилива жарких потаенных желаний. Кипение страстей в замкнутом, ограниченном каменными стенами, пространстве.

Наверное, актриса Вера Кузьмина могла бы повторить слова Ф. Г. Лорки: «...Я владею секретом хладнокровия, ведь в жилах моих течет древняя кровь. И я знаю, что истина не у того, кто повторяет «сегодня, сегодня, сегодня», пережевывая свой кусок хлеба у очага. Нет, истина у того, кто спокойно глядит вдаль, на первый луч зари над полем».

Атнер ХУЗАНГАЙ.